

Саша и мамин квасок

Кваском всё время потчевала маманя Серафима Сергеевна своего последыша Сашку. Квас у неё получался на деревне самый что ни на есть отменный, слезу вышибал зараз. Залётная бригада плотников которое уж лето дома у них строила, и непременно к Серафиме бежали за квасом. А ежели кто с похмелья, и вовсе до-рогу давным-давно протоптали к покрашенному в зелёный цвет дому Сергеевны. Вынесет она жаждущему полный ковшик древнего напитка, ахнет человек алюминевый черпак, передёрнется, выпучит глаза, поблагодарит и работать бежит. А Серафиме радость на душе от этого, всю жизнь своего Степана квасом таким отпаивала, а рецепт — он что? Это от бабушек всё шло. Шестым она родила Сашу.

А последышкой завсегда жалче всех. Но, а если жизнь личная не залаживается, то и вовсе горе горькое родителям. Саша работал в колхозе шофёром, и углядел в районе девушку, поженились, сына народили на Божий свет. Хоть и любил очень свою Настю Александр, но окаянное вино пересиливало все чувства, крепко выпивал, и семьи не получилось. Хотя к тому времени уже выстроил дом. А когда уходил, сказал Насте, что чем может, будет помогать. Прошло какое-то время, Настя вышла замуж за хорошего мужика. Саша его знал. И вот странное дело, был рад, что у его Насти всё хорошо, что у сына будет полноценная семья. Сам же вернулся к матери, да так и жил. Поработает в колхозе шофёром, запьёт — выгонят. После права отобрали. Раз десять возвращался в колхоз. Брала, работать он умел, слесарил. Было дело, что дал председатель в наказание пьянчужке Сашке разбитый бортовой ГАЗ, сказал, что если восстановит, возьмёт его на работу в колхоз. Днями, ночами не вылезал из гаража Саша. Ездил в район, доставал за свой счёт запчасти. Бывало, придёт домой, глянет на маму, та ему суп наливает, а сама не в силах со слезами совладать. Навалило тогда на сына такое, что и не высказать, не вышептать нельзя, даже работу кузнеца освоил, чтобы восстановить машину. Кузнец дядя Иван, видя, как выковывает детали Александр, мотал своей седой, но кое-где ещё чернявой головой, водил рукой по бороде, вроде как приглаживая её, и твердил одно: «Да, талант у парня, не пропёшь его, ядрён корень». Машину Саша восстановил, и председатель снова принял его на работу. После вся деревня говорила, что у Серафиминого сына, хоть он и пьянчужка, золотые руки. Но всякий раз хватало Саши самое большое на полгода...

Напоив страшно болеющего с похмелья сына ядрёным квасом, Серафима говорила:

— Большинство-то люди все, хошь и ругаются, но вместе живут, семьями. А вы, пьянчужки, вам это не надь.

Александр никогда не перечил матери, лишь махал рукой и выходил на двор покурить.

Шли годы, и вот люди на планете Земля дожили до две тысячи седьмого года. Как там за границей живут, мы не ведаем, не бывали, да поди тоже всяких трудностей хватает. А у нас... Что же стало с Серафимой Сергеевной, с её пьющим сыном Сашей?

А стало самое что ни на есть житейское дело. Колхоз развалился напрочь, ещё в девяносто шестом году. Деревня катастрофически пустела. Серафиминого мужа Степана, пьяного в усмерть, лошадь всегда привозила спящего в телеге. И, бывало, люди удивлялись, какая умная лошадь у Степана. Серафима никогда не ругала мужа, был он работающий шибко, но, знамо дело, выпивал. Иногда он пенял на Серафиму, мол, хоть бы поругала его за пьянство, так и говорил, что тошно ему, что она его не ругает. Жили они, как и все, и любовь промеж ними была самая настоящая. Хотя с беглого взгляда и не заметишь будто бы эту любовь. Но когда Степан утром просыпался в чистой постели, ему было всегда стыдно. Накануне он точно помнил, что уснул в телеге. Выросшие дети переносили отца в дом. Так было много лет, и много лет стоял Степан на коленях перед своей Серафимушкой. Выплачется, а она рукой погладит его шевелюру, и скажет, бывало: «Хороший ты мужик, Степан, всё по хозяйству устраиваешь гоже, но пьянчужкой бываешь иногда». Ничего больше она Степану не говорила, шла работать по дому, но знала, что Степан ещё будет бить себя кулаками по груди, плакать, ругать себя. И какое-то время не возьмёт в рот ни капли спиртного. Вскоре Степан умер, и не мучился

вовсе, вышел во двор покурить, да и завалился на лавочке. Всю жизнь проработав в колхозе, пенсию он успел получить только за три месяца. А когда на деревне осталось всего пять домов, в которых жили люди, то померла и Серафима. Окна её дома выходили прямо на давно заброшенную церковь. Деревня стояла на косогоре, и храм стоял на косогоре, разделяла их речка. Перед смертью Серафима рассказывала своему Сашке:

— Мы ещё маленькими были, пришли люди чужие, стали церкву рушить. Уговорили одного крест с храма снять. Ирод окаянный всегда отыщется. Снял он крест, да вскоре сам страшно издох. Потом в храме зернохранилище было. Крышу всё же ремонтировали те годы. Вот это хошь радость. Старухи-то всё равно молились, хоть и запрещали. А если по справедливости, то и не только старухи, все, у кого чего случалось, те и молились. Я, Сашка, наверно, скоро помру. Ты в дому один останешься, так хоть картошку сади, дрова за лето на зиму заготовляй. Речка наша каждую весну дров-то целую уйму наносит, не ленись. Сёстрам твоим я наказала, молока тебе будут возить, продукты, раз в неделю, а может, и в две. Не сердчай на них — у них уж внуки у всех, дел прорва. Свет, слава Богу, у нас не отключили, набьют тебе холодильник сёстры, не ленись, готовь еду-то. Курицу там свари с картошкой, вот и еда.

Незадолго до смерти успела Серафима вставить в своём доме пластиковые современные окна. Знала, что Сашка её ни за что не вставит. А старые окна давно погнили, и как их не затыкай, мастикой или пластилином, всё одно дует. Потому как дом старый, садится, рамы оконные корёжит.

На похороны Серафимы собралось народу много, прямо, можно сказать, — целая уйма народа. А и как не быть людям, деревни их местности все рядышком стояли, все знали друг дружку, детей женили, сено косили, хлеб убирали, всё, что садили, то и убирали. И через эту тяжёлую работу, эту окаянную надсаду все крепко сдружились. И ежели кто помирал, то собирались все, соборно, как и было заведено предками. Пять её дочерей все вышли замуж, детей нарожали, теперь внуки уж имели своих детей, и все они были на похоронах, поминки сделали по доброму памятные, и многие старухи вслух говорили, что-де их так не похоронят.

Серафима Сергеевна всё говорила при жизни своему Степану: «Наделали мы с тобой, Стёпушка, себе родственников-то». Улыбался после таких слов её Степан, да, бывало, и сказанёт: «А чего, Серафимушка, может, ещё одну снегурочку состряпаем?» Было это всё теперь уже в прошлом. Саше по наказу матери сёстры раз в неделю или две возили продукты. А он, опять же по наказу матери, садил себе картошку, полон грядки с морковкой, луком. Было Александру уже под пятьдесят. Рядом поселился приехавший из совсем пустой дальней деревни Владимир. Как там у него вышла жизнь — никто не знал. Но жил, по его словам, он в деревне совсем один. И вот сказали ему, чтобы он переселялся сюда, в эту деревню, что возить ему пенсию неудобно из-за плохой дороги. На деревне все стали называть нового жителя не Владимиром, а Вованом. Сашка быстро сдружился с Владимиром, вместе пропивали пенсию Вована, а когда деньги заканчивались, нанимались в соседних деревнях, кому дров заготовить, кому подправить забор. По сантехнике, бывало, прибыль у друзей образовывалась. Звонят по сотовому Саше или Владимиру бабушки из соседних деревень да культурно эдак выговаривают: «Дорогой Володимир, беда у нас, трубу прорвало». Радовало в такие минуты Владимира, что не Вованом назвали, а так уважительно. Берёт с собой самодельный сварочный аппарат, ключи, и опять же со своим оруженосцем Сашкой вместе идут

выручать народ. И воду перекроют, дыру заварят. Одна бабушка Пелагея Никандровна с любопытством смотрела, как Владимир, заваривая трубу, ругался, что она вся гнилая, а Саша тем временем, взявши у Володи держатель, стал заваривать напрочь гнилую трубу, и наконец заварил. Поднял наверх сварочную маску, улыбнулся: «Могём ишшо». После, глядя на то, как радуются этому бабульки, тоже радуются друганы, потому как они тоже люди, хоть и зовут их, когда они запивают, пьянчужками. Вован ещё умел класть печи и ремонтировать их, и тогда, когда появлялись такие заказы, для них с Сашей наступали дни повеселее. Хозяева хорошо кормили, после работы давали денег, которые на радостях с охотой пропивались. Придут два друга в магазин, который располагался в соседней деревне, наберут консервов, колбасы, мороженого минтая, водки, пива, доберутся до родной деревни да всё с большим азартом в своё нутро тянут. По весне, памятуя о словах матери, Саша с Вованом натаскивали с реки брёвна, распиливали их, через эту тяжёлую работу выходил из них похмельный пот. Да и как ему не выйти, ежели лесину тяжеленную тащишь на своём трёхжильном горбу. После натасканное на распили шло, сначала пилили они двухручкой, и от такой работы выбивались их уже немолодые силы вконец. Сядут, бывало, друганы отдохнуть, и скажет, тяжело дыша, Саша:

— Мамаля моя, Серафима, очень умная была, знала, что после такой работёнки весь хмель вышибет напрочь.

Вован, раскурив папироску и глубоко затянувшись, улыбался:

— А ведь и вправду, Сашка, заботилась мамаля о тебе, с утра-то нас ещё штормило от вчерашнего, а нынче уж вечер, а мы тверёзые сидим. Это, стало быть, такой механизм лечения от алкоголизма матушка твоя изобрела.

Александр после таких добрых слов о матери глубоко вздыхал:

— Мамаля моя молодец была, святая, ей-Богу, святая!

После удачных калымов купили себе друзья бензиновую импортную пилу и всё удивлялись, как она здорово работает. Делали они всё вместе: садили картошку, калымили, ставили сети на речке. По осени ходили по грибы, набирали лесных орехов, но так как зубов у обоих давно не было, разбивали орехи молотком, и это крошево ели. Едят, а Володя улыбнётся, бывает, и скажет другу:

— Вот, Сашка, Россия наша какая богатая, витаминами нас угощат.

Встрепенётся на эти слова Александр, улыбнётся и тоже скажет сотоварищу:

— Мы всё в детстве за орехами этими бегали, зелёными рвали, никогда до спелости их не ждали. Эх, и радовались матери наши тому, что орехи эти мы в дом приносили. Они ведь на вершине горы растут, упасть можно, расшибиться о камни, что возле речки. И вот, вроде, материнское волнение тут должно быть, а матери наши радовались — дескать, мы, вроде как, если лазаем по горе, значит, выносливее становимся. Словом, выживем в дальнейшем...

Случилась по поздней осени страшная буря, на линии повалило много столбов. Свет отключили по всему району на две недели. В тот момент, когда мела эта окаянная буря, Саша думал, что и крышу-то с его дома снесёт. В их малочисленной деревеньке тоже завалился столб. Через две недели приехали электрики устранять аварию. Заходят в дом к одной бабушке Полине Никаноровне, а у той пироги только что из печи. Угостила электриков. Один, который был помоложе, удивлённо заговорил:

— Вот ведь чудеса, да и только. В районе света две недели не было. Бабы криком кричат — ни постирать, ни приготовить, ни телевизор посмотреть. А тут — гляди, тепло, пироги, и бабушка, похоже, не тужит.

Ответствовала им бабушка Полина:

— А по чём, сыночки, горевать? Телевизор я не смотрю, там один срам показывают, а чё болтают, так и вовсе бы не слышать, пошто живут люди и эдак делают? Пустое это всё, жизни не ведают. Раньше люди Богу молились, работали, тем и спасались.

Увидели электрики и то, как бабушка шила себе юбку. И электрик, что был уже в годах, тоже не выдержал:

— Ну вот гляди, эти молодые хвалятся, что владеют сотовыми телефонами, компьютерами. А ежели бы вдобавок к этой буре да авария на котельной, которая район обогревает. Подыхать бы, пожалуй, стали, а тут, вот кто истинно выживет — и пироги у неё, и тепло.

Саша и Владимир, завидев гостей, тут же явились к Полине, и, узнав, в чём дело, помогли электрикам наладить электричество на деревне. Была попытка найти работу в бывшем районном центре у друзей. Почему же образовалась эта попытка? Серафима очень вкусно умела солить капусту, другие земляки, знамо дело, тоже солили, но вкуснее Серафиминой не было ни у кого. Научила она и Сашку своего солить, но и не только этому, ещё обучила плести корзины. Твердила сыну, что это можно продать на рынке. Саша и Владимира научил плести корзины, а чего их не плести, ивняка по реке росло много. И решился Александр на эксперимент по выживанию. По осени насолил в деревянных бочках капусту, которую они сами вырастили с сотоварищем его. Бочки эти были новёхонькие, потому как кинулись они в чулан, а старые-то бочки давно рассохлись, вот и соорудили новые. Вован всё водил ладонью по новёхоньким бочкам и приговаривал: «Гоже-то как вышло, надо же, баушку вспомнил через это дело».

Кого они упросили довести их до районного центра, неведомо, скорее всего, доехали на автобусе, который ещё два раза в неделю приезжал в соседнюю деревню. И вот стоят друзья, торгуют. Корзины к тому времени в районе уже давно никто не плёл, корзины же у Саши были нарядные, с беленькими переплетениями, узорчатые. Сам себе дивился Саша, ведь чтобы сделать такую красоту, надобно-то всего ножом очистить прутики ивняка да после сплести их с неочищенными. Люди в этом районе всегда раньше пользовались корзинками, теперь же все жили по-современному, но, видимо, памятью о былом, стали хорошо покупать корзины у Саши. И вот что интересно, покупали не только те, кто постарше, даже молодёжь охотно брала. С капустой получилось не сразу, подходили, удивлялись, дескать, сами солят. Но, как оказалось, солили, да не все, а распробовав капусточку по Серафимину рецепту, всю капусту и раскупили. Нежданно, как это зачастую и бывает в жизни, повстречал на рынке Саша свою бывшую жену Настю. Она сама подошла к нему, за эти многие годы, как они не виделись, оба они, знамо дело, изменились. Настасья его заметно располнела, работала на почте, муж её любил, у них и дочка совместная родилась. Обо всём этом Саша знал от людей, бывающих в районе. Глядя на Сашу, Настя сказала:

— Знаешь, Саша, я благодарна тебе за то, что дом выстроил и оставил нам, я потом много думала, ну, пьёшь, а ведь сейчас-то что творится! Как плохо расходятся люди, страшно даже глядеть на такое.

У Александра от таких слов запершило в горле, психика от спиртного была, конечно, во многом нарушена, и он, отвернувшись от Анастасии, заплакал, сказав бывшей жене:

— Ты это, Настя, иди с Богом.

Настя не стала больше смущать Сашу, только сказала, что сын их, Сергей, женился, работает пожарным, живут пока с ними, и что у Саши уже есть внук Алёшка, три годика ему. На эти слова Александр нашёл в себе силы обернуться к Насте и сказать:

— Вот и слава Богу.

Отобрал среди корзинок самую нарядную, полез в карман, вытащил сколько-то денег, положил их в корзину и протянул Насте:

— Это вроде как подарок мой Алёшке.

Глаза его от слёз были сильно красные. Он то и дело вытирал их рукавом новой фуфайки. Попрощавшись, Настя ушла, а он всё глядел ей вослед и шептал про себя:

— Ну надо же, дед я, стало быть. Чудно это всё.

После удачной торговли сунулись Саша с Володей к одному знакомому в гости, а там — пьянка. После страшно побили обоих, деньги вырученные все отобрали, и Саша, сплёвывая кровь, думал, что хорошо ещё, что Настя подошла, часть денег Алёшке передал. Ночью шли в родную свою деревню-спасительницу, держась друг за дружку, два одиноких путника, мечтая только об одном — дойти. Недели две всё заживало, и в одну из ночей приснился Саше сон. Пришла к нему маманя и говорит:

— Сыночек мой милый, ты уж дома доживай свой век.

Проснулся в холодном поту Александр, добрёл до кадушки с квасом, делал его теперь сам по материнскому рецепту, выпил большую алюминиевую кружку, которую привёз ещё из армии. Квас, который получался у его мамы, у него не выходил, но пить было можно, всё же и он ядрённостью отдавал. С тех пор в район он больше не ходил. Вован его любезный промучился хворьями больше месяца. Сашка каждый день приходил к другу, протапливал печь. Варил привезённых сёстрами куриц, кормил Владимира. Потом, чтобы сэкономить дрова, забрал друга к себе домой. И однажды, когда в его доме весело потрескивала печь, прочитал другу своё стихотворение, правда, перед прочтением оправдывался тем, что стихотворение не о них, но когда его сочинял, думал о себе и Владимире, и начал несмело читать:

*Пробивается сквозь землю травушка зелёная,
Запрягаю я коня, глядь: погода знойная.
Колокольчик под дугую зазвонит — и тронемся,
В путь-дорогу на базар торговать торопимся.
Повезу на рынок мясо — всех свиней своих забил.
Я мечтой своей увлекся и её вот полюбил.
Краше Насте нет на свете, выше солнца полечу,
Ведь деньжат на свадьбу надо — это ясно почему.
Разудалая торговля — сразу вмиг богатым стал,
И друзей вдруг стало много, я не всех их даже знал.
Говорили: «Выпьем лихо и поедешь далеко!»
Вмиг напившись, помню только — положили на крыльцо.
А наутро я очнулся — нету больше ничего:
Нет ни денег, ни телеги, закрутило удило.
И пешком бреду до дому, на душе темным-темно,
Понял скоро, что удачу променял я на вино.
В этой жизни сказок масса, вот и я в одну попал.
Пить с чужими, ох, опасно, счастье я своё проспал.*

Владимир, услышав стихотворение, даже поднялся со скрипучей кровати, прошёлся немного, размялся и сказал:

— У тебя, Сашка, талант не только на работу.

Шли годы, все старухи, кроме одной, в их деревне поумирали. Каждой Сашка с Вованом сооружали домовину, да и из других деревень приходили к ним с такими заказами. Брали они совсем немного за работу, хоть всегда предлагали им больше денег. Отбрехивались друзья — так-де, они же, мол, на поминки пойдут, там поедят, потому негоже много денег брать. Жили несмотря ни на что в деревне два друга Александр и Владимир, жила на деревне ещё одна бабушка, которая очень веровала в Бога. Других жителей не осталось. По весне, правда, к немалой радости деревенских, появляется на деревне Иван, который пашет в родительском доме огород под картошку, прихватывает и усад большущий под это дело. Сам он на военной пенсии, по осени продаёт излишки своей картошки. Её, эту самую картошку, ему заказывают жители района, и он, продав картошку, бывает очень рад. Заходит в гости к Саше и Владимиру, разговаривают о жизни. Сам Иван не пьёт водки совсем, говорит, что выпил своё. Удивляется Иван и тому, что многие люди, живя в бывшем районном центре, не салят картошку совсем, покупают, но покупная, привезённая незнамо откуда, оказалась невкусной, вот и заказывают Ивану, чтобы побольше картошки садил. Однажды Саше совсем занедужилось, хворь приключилась сильная, полез он к образам, знал, что на полочке у мамы освящённые сухарики да просфорки хранились. Достал их и, глядя на давно пересохшие сухари, несколько съел, перекрестившись, остатки положил снова на полочку, сказав:

— Неужто помру, плохо мне. — А на следующий день отступила болезнь. Владимир всерьёз думал о том, что спасла его от смерти мама, Серафима Сергеевна. Поутру с Владимиром ходили проверять сети на речку, после варили уху из только что пойманной рыбы, снова выпивали за улов спиртное. Сеть же Сашка связал новую, и только они её поставили, так тут же и поплавки задёргались, попались щучка да плотва. Вытащили рыбу, а сеть на ночь оставили. Кто её тут, в безлюдье, тронет? Разве только ондатра рыбу съест, но с ней они давно привыкли делиться.

Раз, убирая снег возле дома, Александр посмотрел вдаль, на деревенскую дорогу, и к неожиданности своей, завидел там легковую машину. В их деревне ещё раза два или три за зиму всё же чистили дорогу трактором, присылали же трактор из района. Но всё одно, может, и застрянет легковушка. «Откуда она взялась?» — думал Степанович. А машина меж тем приближалась, и вот уже к дому Саши подъехал «уазик». Вылез из машины молодой мужик, подошёл к Александру, на лице его явно отображалось волнение:

— Ну здравствуй, отец.

Александр выронил из рук лопату, и вмиг стал жалок, немного согнулся и уже плача произнёс:

— Неужто ты Сергей, сынок мой?

Обнялись.

— Да я тебе, батя, внука привёз показать.

Из машины вылез мальчик, одежонка на нём была новая, справная, ныне почти все так в районе одеваются — отметил про себя дед Саша, а мальчонка подошёл к отцу и деду да сказал:

— Здравствуй, дедушка, мы с папой вот к тебе приехали.

Сын, считай, вырос без него, Александра, да вот и внук теперь растёт, какие могут быть тогда тёплые отношения меж ними, — снова терзался мыслями дед Александр Степанович.

Но всё же погостили почти весь день дорогие гости у деда. Александр шустрил, и откуда силы взялись — вмиг истопил баню, сводил внука Алёшку на реку, показал, как рыба ловится. И всё было интересно внуку, раздолбил большую лунку дед топором, вытащил сеть, а там рыбы с полведра попало: щучки, плотва, окуньки, карасики, всё это живое, трепещется. Друг Владимир, видя всамделишную радость Саши, помогал ему во всём, жарил рыбу, варил уху. Достал из подпола солёной капусты, грибов, закалымленного, вкусно посоленного сала. Александр достал из чулана старые свои самодельные санки, съехав с горы, с которой всю дорогу катались в детстве, расчистил тем самым путь и дал Алёшке вволю накататься. Когда обедали после бани, сын Сергей, видя холостяцкий отцовский беспорядок, говорил отцу:

— Ты меня растил совсем немного, дальше был отчим дядя Валера, он хороший, я его за отца и считаю. Но на тебя, отец, зла не держу, маманя вон по сей день благодарна за то, что дом выстроил.

Вечером, уезжая на «уазике», внук Алёшка громко говорил деду:

— Я к тебе ещё приеду, рыбы половим, с горы покатаемся.

Александр Степанович встрепенулся, сбегал домой и принёс прямо в корзине свежельвленной рыбу:

— На вот, сынок, угостить мне вас особо-то нечем, а тут, сам понимаешь, свежая рыба. — После как сын Сергей с внуком уехали, Саша с Владимиром снова запили, зимой калымов почти не было, вот и пили. Так прошла зима, настала весна. На родительский день к Саше приезжают его пять сестёр, вместе они идут на гору, где расположен деревенский погост и стоит давно не действующий храм. Кладут на могилки отца и матери цветы, кладут и пироги — так уж у них заведено, что на погосте не пьют водку. Поплачут сёстры о родителях, глянут на Сашу, шибко жалко им его, особенно в такие моменты жизни. Вокруг на погосте полно народу, приезжают отовсюду, и из городов тоже. Почти все только на погосте и встречаются в такой день, раз в году. И уже редко бывает такое, чтобы сильно разговорились, даже те, кто был в молодости друзьями или подругами. Но всё же, случается такое, что и в гости пригласят. Когда день неизбежно переваливает за вторую половину, когда людей, поминавших родителей на погосте, уже почти не останется, начинается вороний пир, ибо всё вокруг усыпано сдобными пирогами. Идут после в Серафимин дом её постаревшие дети, которые, казалось, совсем недавно были молодыми, заводными девчушками, ныне же это были все с различными болезнями женщины в годах. Накрывается стол, и еды на столе, слава Богу, в достатке. После выпитой рюмки сёстры все зовут Сашу, чтобы он перебирался жить к ним. Брат отказывается, говорит, что во сне видел маманю, и она велела ему жить дома. Деревенский храм, давно не действующий, помнит, как всю жизнь молилась на него Серафима Сергеевна. Для неё в душе он всегда действующий, даже там, на небесах. Ведь пьющий её сын помогает людям...

История с конём и человеком

Отчего у людей к лошадям любовь особенная? Много на эту тему баяли люди во все времена, покуда и существует мир сей...

Было это, по рассказам дедов да бабушек деревенских, тогда, как только начинался двадцатый век. О том, сколько горестей он принесёт на землю, никто не знал, да это и к лучшему для человека.

В деревне Воробьихе жили, как и везде по Руси: в основном земля чего народит, тем и жили. Но были и такие, которые семьи бросали, уходили на заработки. Причины тому находили разные. Бывало, вроде, и деревни рядышком стоят друг от друга. У одних земля родит богато, а у соседей, хоть тресни, не родит и всё. Может, и это было причиной, кто знает. Только в соседней Коноплянке мужики да бабы, мальцы со стариками радовались несказанно кажинный год урожаю, а тут каких-то шесть километров до Воробьихи, и уже совсем не то дело было. Многие из Воробьихинских мужиков ходили к Коноплянинским занимать до нового урожая то зерна, а то и картошки, вот какие были дела. Поломался так не один год Елизар Понкратович Кулешов на земле Воробьихинской, да и опустил руки. Жене Глаше сказал так:

— Поеду на заработки, по плотницкому делу, мужики наши зовут. Только так, Глаша, и можно выжить.

Было у них уже две дочки и сын, все мал мала меньше. Чего делать жене было? Знамо дело — отпустила на вольные хлеба мужа. Днём заботы домашние отвлекали от дум, а вот как детей спать уложит, всё думала о Елизаре, как он там, где притулился-то, не голодный ли, не захворал бы только, — маялась жена извечными бабьими думами о жизни родного человека. Полгода не было мужика в доме, приехал — денег привёз, радость в избе несусветная высветлилась, да такая, что удержу нет. Детишки с пряниками невиданными доселе по деревне носятся, галдят да щебечут, словно птахи. Жена лучшее платье надела, поросёнка молочного на стол поставила, дух мясной по всей избе идёт, четверти одна за другой под сытую закуску осушаются, гуляют мужики Воробьянинские — не всё Коноплянским радоваться. Деревенские долго не гуляют, всего неделю и побыл сердешный Глашин муж в родном доме. Глаша после этой недели четвёртым ребёнком понесла, землю русскую пополнять. Заявил жене Елизар, что на этот раз на год уходит, чтобы, стало быть, семья не бедствовала.

Денег тех Глаше на полгода хватило, а мужа нет, как быть? Сено для коровы закончилось, и надумала она продать коня Грома. «А чего, — думала баба, — продам, сено для коровы куплю, дети с молоком будут». Конь был ещё не старый, из соседней Коноплянки мужик Авдей его и купил сразу. Хорошую цену дал, Глаша довольна была недолго, потому как Гром рвал верёвки и к их дому возвращался. Авдей от злости бил коня кнутом, ругал беззащитную Глашу, а что могла поделывать одна баба с детьми малыми? В конце концов, и у Авдея нервы сдали окончательно, после того как он уж раз десять ходил за шесть километров в Воробьиху. Продал он Грома в другое село, Александровка находилась уже за десять километров от Воробьихи. Грому всё нипочём, всё порывал и приходил к родному подворью. Глаша ревела белугой, а как заслышит ночью фырканье коня, тут же несёт ему горбушку хлеба с солью. Еремей с Александровки, новый хозяин коня, приходил за Громом два раза, а на третий в сердцах сказал, что зарежет Грома на мясо, не продаст, а именно зарежет, такая злость в нём укреп взяла.

В это время и вернулся в родную деревню Елизар. Прознав о коне, пошёл к Еремею. Хотел Елизар выкупить коня, и деньги немалые предлагал Еремею, но тот заартачился, злость его обуяла всамделишно, прирежу, баял, и конец делу. Но конца делу не случилось. Разодрались мужики, да сильно, Еремей в полицию подался, похитрее был, да к тому же паскудным характером обладал, полицейский в родственниках имелся у него. Хоть и дальний родственник, но четверти стеклянные холодные из погреба обожал, запотелую бутылку наливал в стакан, да под

холодную телятинку с Еремеем пили они не раз, баб своих били после этого нещадно, изверги, что тут ещё добавишь, словом, посадили Елизара. Только Еремею коня прирезать не удалось, убёг Гром, на этот раз не вернувшись и в родимый дом.

Отсидел Елизар год. Измождённым от хворей возвращался в родную деревню. А как с пустыми руками домой возвращаться? Идёт дорогой дальней, видит речку, на льду собака большая сидит, рядом с псом полынья, а в воде шапка-ушанка плавает. Догадался Елизар, что утоп видно хозяин, а собака видать преданно сидит рядом. Подошёл к собаке ближе, что-то жалобное ей молвил. Перешёл реку, взобрался чуть повыше, вот и деревенька стоит, и опять догада обуяла, что мужик, который потоп, из этой деревни наверняка будет. Пошёл, поднял народ. Так и оказалось, пьяный утоп мужик. После поминок отец того мужика, глядя на то, как Елизар совсем ослаб на тюремных харчах, предложил ему остаться на время у него. Сын мой, говорил старик, утоп, баба у него с четырьмя детьми осталась, работай у нас. Решил остаться Елизар, рассудив, что домой надо бы чего-нибудь заработать. Зашёл во двор и обомлел: прямо на него глядел его Громушка, обнял коня, расплакался, но виду хозяевам не показал. Хоть и был слабым Елизар, но, немного отъевшись, стал ломить на новых хозяев. Старик, видя такую работу, радовался, дела в гору пошли очень заметно. А на праздник Преображения Господня старик с Елизаром выпили, разговорились, и открылся Елизар старику о Громе. Старик тот тоже кумекал, как будет расплачиваться с Елизаром, денег платить было ему жалко, а тут, прознав про коня, поведал о Громе истинную правду:

— Он к нам, вишь, притулился, когда мы за дровами ездили. Стоит неприкаянный, худющий, ну, подумали: ежели хозяева отыщутся — отдадим, а вот не сыскались, мы им и пользовались. Нечего сказать — работник золотой. Вот теперь и забирай свою коня за работу.

В дорогу старик дал Елизару мешок хорошей муки, большой кусок солёного сала, а на гостинец детям отвалил с полкило сахара. По дороге к дому Громушка так глядел в глаза Елизару, что у того текли из глаз солёные-пресолёные слёзы, он их и не отирал рукавом рубахи, а так слизывал языком, так уж выходило. Пришёл Елизар к своей любезной Глаше со конём своим. Так и жили они потихоньку, коня уже никому не продавали...